

СЕРГЕЙ БАТЧИКОВ

Метафизика Сталина

Пятого марта 2013 года исполняется 60 лет со дня смерти И. В. Сталина, выдающегося руководителя, работавшего на великое будущее государства и сумевшего раздвинуть на пути созидания пределы возможного. «Сталин вернется» — это метафизическое ощущение сегодня буквально разлито в воздухе прежде всего как желание преобразования страны и нового русского чуда. Чем очевидней беспомощность нынешней власти, тем сильнее интерес людей к великому прошлому.

В 1988 году, в разгар горбачевской перестройки, социологические опросы показывали: менее одного процента опрошенных полагало, что через 20—30 лет о Сталине будут вспоминать, как о крупной фигуре советской эпохи. Спустя двадцать лет, в 2008 году, когда по инициативе телеканала «Россия» был осуществлен проект «Имя Россия. Исторический выбор 2008», оказалось, что Сталин почти сразу же вышел в лидеры народного голосования и оставался на первом месте до тех пор, пока организаторы не подкорректировали результаты.

Почему миллионы людей, в том числе молодых и, казалось бы, не-

плохо устроившихся в новой России, проголосовали в ходе интернет-референдума за Сталина? Почему одновременно никак не иссякнет поток желающих «нанести горы мусора на его могилу»? *Призрак Сталина* сегодня незримо присутствует среди нас. Одни его зовут, другие проклинаяют, третьи трясутся от страха. К нему обращаются, чтобы определиться в нынешнем хаосе. Сталин стал активным участником противостояния и важным измерением в жизни большинства населения России, центром одной из систем координат.

Этот факт нельзя объяснить ни групповыми интересами дня сегодняшнего, ни расхождением оценок конкретных решений Сталина 1930—1940-х годов. Дело — в *метафизике Сталина*, в общих установках в отношении бытия нашего народа на вселенском уровне.

Время и потрясения последних десятилетий стряхнули с этих установок и шелуху конъюнктурных мелочей, и горечь трагических столкновений на перекрестках исторических выборов. Осталась метафизика — «разговор с Богом» о том, куда мы шли со Сталиным во главе, как намеревались жить в своей «отдельно взятой стране»,

БАТЧИКОВ Сергей Анатольевич — председатель правления Российского торгово-финансового союза, директор Центра проблем управления сложными социально-экономическими системами Международного института проблем управления, кандидат экономических наук.

Ключевые слова: Сталин, метафизика, индустриализация, коллективизация, Великая Отечественная война, советский народ.

с человечеством, с потомками, в чем ошиблись и что сохранили. Именно этот разговор и разделил нас. «Перестройка» вскрыла наши уже зажившие раны, сломала наши кости, уже было срощенные. Стон миллионов живых людей и вызвал Призрак Сталина из могилы. А ветер истории развеял с нее горы мусора, нанесенные сванидзе и познерами, которые подрядились замазать тот главный исторический выбор, который «создал» Сталина и сплотил тех, кто этот выбор прочувствовал. Он заключается в том, что в пределе, в последней точке бифуркации, все равно окажется, что есть два вектора: или к Сталину, или к Гитлеру. Личности, гимны и знамена могут меняться, но суть выбора — та же. Это видно на любом примере. Чехи хотели свободы от радаров советской ПВО — получайте в свои садики американские ракеты. Уморили Милошевича — получайте косовских наркоторговцев в колледжи своих детей. Отказались мы, пусть и пассивно, сохранить Советский Союз (пошли по пути к Гитлеру) — и вместо улыбки Гагарина над Россией взошла ухмылка Абрамовича. Не терпелось пересест на иномарки — остались без тракторов. Обрадовались возможности не тянуть лямку на заводе и дома — перестали рождаться дети.

Во время смут — вроде той, что мы переживаем сейчас в России, — все мы начинаем задаваться вопросами: чем определяется жизнеспособность страны и народа? почему вдруг гибнут цветущие культуры, распадаются государства, великие империи с грозной армией оказываются бессильны перед ордами варваров? Буквально на глазах одного поколения у нас произошло крушение России в форме двух великих мировых империй — сначала как Российской империи в 1917 году, а затем как Советского Союза всего через 70 лет.

Привычные объяснения и марксизма, и либерализма абсолютно несостоятельны. За что брат стрелял в брата, а отец в сына в Гражданскую войну? Сказать, как марксисты, что братья убивали друг друга «из-за несоответствия производственных отношений производительным силам», — насмешка над здравым смыслом. Верить, что русских людей соблазнила дюжина жидомасонов, — еще глупее. Сказать, как какой-нибудь Сванидзе, что крестьяне и рабочие позавидовали хозяевам, — достойно мышления крысы. Тем не менее подобного рода объяснения российская интеллигенция пережевывает вот уже тридцать лет.

Иной взгляд дает постмодернист и антисталинист Жижек Славой, который пишет, что «сталинизм начинался как народный взрыв, направленный на эмансипацию и равенство». Именно к этому взрыву и Сталину как символу этого взрыва и ощущается ненависть. Почему же покатилося из этого пламени «красное колесо»? Врожденный садизм «пролетариев», антигуманность большевизма как идеологии, маниакальная мания величия вождей — все это пошлые штампы «знатоков». Первая причина в том, что вообще довели дело до взрыва — перегрели общество.

Вторая причина — сложность и быстрое развитие России как цивилизации. Она стала ареной столкновения нескольких метафизических проектов, нескольких представлений о Граде Божьем. Жижек пишет о народном взрыве — хотя на самом деле произошла *серия* взрывов.

Буржуазно-либеральный взрыв Февраля — это аналог Великой французской революции в России. Разница в том, что во Франции эта революция смогла огнем и мечом обескровить крестьянскую «Вандею», а в России нашла коса на камень. Во Франции

революция выбросила свой взрыв вовне, и ее «красное колесо» прокатилось по Европе, Египту, Малой Азии и докатилось до Москвы, где и завязло. А у нас взрывы пошли друг на друга, и с ними по стране прошлись и махновщина, и всяческие «самостийники».

В каждом из этих взрывов была духовная страсть. Все их Сергей Есенин представлял как *цветы* народной души: «Цветы сражались друг с другом, / И красный цвет был всех бойчей». Конечно, сейчас не до Есенина — в России рулят его антиподы. Но подумаем: неужели «русские мальчишки» из хороших семей шли в Белую гвардию убивать и умирать за то, чтобы сопливые отпрыски «черкизов» устраивали позорные оргии на швейцарских автострадах? Ведь это подлое царство мамоны, которое устроили в России, оскорбляет память «белых» едва ли не сильнее, чем «красных».

Да, «красные» без Сталина шаг за шагом утратили «упругую мощность» и потерпели поражение в незнакомой войне. А те, кто правит бал в России сегодня и ведет свою родословную от Соньки—Золотой ручки, тщатся представить себя потомками Белой гвардии — и от такого позора шевелятся в могилах белые кости. Вот и получается, что или Сталин, или Гитлер с глобальной Сонькой—Золотой ручкой. Думается, если бы мы могли видеть потустороннее, увидели бы великий поход теней «белых» ветеранов, переходящих после нынешней «реформы» в Красную армию.

Маховик русской революции, энергия которого достигла кульминации в 1930—1940-е годы, раскручивался долго. Ленин сказал, что зеркало этого зреющего взрыва — Лев Толстой. Но у Толстого он разглядел лишь один источник этой энергии — социальную организацию, которая генерировала особый культурный тип. Это были русский общинный крестьянин

и его брат-рабочий, вчерашний крестьянин. Взрывной потенциал общины понимал и Столыпин, который пытался (но уже слишком поздно) эту энергию погасить.

Ленин сделал упор на новой социальной организации — союзе рабочих и крестьян под руководством «партии нового типа». Эта доктрина позволила разрешить тяжелейшие проблемы — и захвата власти, и военного коммунизма, и нэпа. И все же в ней Ленин упустил ту сторону, которую Толстой скрыл за недомолвками «непротивления злу насилием». Источником силы, который и оживлял потенциал социальной организации, была нарастающая духовная страсть рабочих и крестьян, а точнее — всего народа.

Она уже была предъявлена и в странном движении землепроходцев и казаков, в Разине и Пугачеве, монахах и сектантах, бродягах и анархистах, в Пушкине и Менделееве. Это был разгон огромного духовного реактора, который в начале XX века втянул в резонанс всю страну. Ясного объяснения этому явлению мы пока не имеем, а целая армия кропателей сегодня пытается отвлечь от него внимание молодежи. Этот резонанс хотели тогда разрушить и монархисты, и либералы, и ортодоксальные марксисты, и черносотенцы — но все они оказались сами втянуты в этот водоворот, силу которого можно прочувствовать, перечитав русскую поэзию Серебряного века.

Взрыв духовной энергии — это соединение идеалов и интересов, «неба и земли». Совмещение иррациональной природы человека и его потребности в свободе с рациональной социальной организацией — сложное дело, здесь и возникают братоубийственные конфликты. Маховик революции раскрутили не большевики, но на них как на победителей легла

обязанность *усмирить революцию*; а это труднее, чем ее начать. С. Есенин писал: «Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода». А потому «страну в бушующем разливе должны заковывать в бетон».

Как же соединить несоединимое? Идти с проповедью любви и ожидать морального самосовершенствования? Люди отвергали эти проповеди, они могли поверить только Общему делу вселенского масштаба. Царство справедливости на земле — вот уровень запросов. И Сталин заслужил невероятную по своей силе любовь тех миллионов потому, что нащупал формулу совмещения «земли и неба». Он выстраивал такой образ будущего, который начал спланировать основную массу народа и перевел стрелку с пути революции на созидание, без потери импульса.

Ленин обладал необычайной способностью рационализировать идеальное. В его логике образ будущего царства социальной справедливости поддавался расчету. Это позволяло держать идущий вразнос социальный реактор под относительным контролем. Но после 1922 года советское государство стало ареной нарастающего конфликта течений большевизма с очень разными идеальными целями, из которых вырастали принципиально разные доктрины. «Перманентная революция» с выходом на глобальный уровень — это одно, а «строительство социализма в одной стране» — совсем другое.

Тут еще много непонятного; но ясно, что Сталин мыслил в иной логике, нежели Ленин или Троцкий. Разбуженную энергию миллионов нельзя было канализировать в торговлю бараниной и мастерскую «кустаря без мотора». Даже масштаба ГОЭЛРО было недостаточно. Требовалось «общее дело» — индустриализация России, массовый научный прорыв и

великая Победа, изменившая мир. То есть общее дело космического масштаба, как это и предсказывали русские космисты. Такая энергия требовала не эволюционных приращений, а скачкообразного перехода на новый уровень. Только так могли соединиться свобода и справедливость; без этого взрыв энергии разнес бы страну. Сейчас мы этого не чувствуем, а тогда — это было очевидно.

Сталину удалось направить разбуженную энергию миллионов на созидание. Его можно назвать конструктором или инженером будущего, поскольку он всегда ставил далекие цели и потом подчинял все текущие решения масштабным стратегическим задачам. Достаточно вспомнить, как была осуществлена программа форсированного создания мощного отечественного авиостроения и авиации, ставшая предметом пристального изучения во многих странах.

Решение о развитии авиации было принято сразу после Гражданской войны, которая позволила оценить ее значение как для обороны, так и в мирных целях. В 1923 году было учреждено Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и акционерное общество «Добролет» (для развития гражданской авиации). ОДВФ стало первой общественной организацией в СССР (не считая политических и профессиональных). Уже в 1924 году состоялась торжественная передача XIII съезду партии эскадрильи «Ленин» из 19 самолетов, построенной на средства общества. Помимо сбора средств на развитие авиации на ОДВФ была возложена агитация и пропаганда авиации, помощь в подготовке кадров, развитие планеризма и авиамodelьного спорта, содействие промышленности и научным исследованиям. В 1923 году начал издаваться журнал «Самолет»; тема авиации

заняла заметное место в поэзии, кино, театре. Через год общество насчитывало уже миллион членов, повсеместно были организованы «авиауголки» с библиотечкой книг об авиации, плакатами, моделями самолетов, чтением лекций и показом фильмов. Самым популярным мероприятием стали агитполеты, во время которых граждане могли бесплатно полетать на самолетах. В городах прилета самолетов ожидали многотысячные толпы. Во многих деревнях России крестьяне увидели самолет раньше, чем паровоз или пароход. Летчиков называли «воздушными рыцарями», авиации приписывался огромный духовный потенциал как средству преодоления барьеров между людьми. Один из первых советских летчиков И. А. Валентей писал в книге «Стальные птицы»: «Можно предполагать, что авиация в будущем произведет огромное влияние на духовный склад человечества и целый переворот в социальной жизни... Завоевание воздуха открывает нам новую эпоху в истории культуры. И что самое важное, оно скорее всего укрепит в сознании человека значение понятий человек и человечность». В 1934 году прошло успешное 500-часовое испытание первого в СССР мощного авиадвигателя, и это было грандиозным событием, поскольку считалось, что СССР, наращивая авиастроение, будет покупать моторы западных фирм. Новый мотор был исключительно надежным и обеспечил потребности полярной авиации и дальних перелетов. Сейчас на антисоветской волне ту кампанию представляют проявлением якобы скрытых в большевизме языческих культов, склонностью массового сознания к мифу. Критики, однако, должны признать, кампания была проведена эффективно, обращаясь к высоким чувствам людей, к идеалу общего дела (в этом — отли-

чие от мотивации, которую активизирует рыночная реклама техники). Во многом благодаря этой кампании подавляющее большинство населения СССР благожелательно восприняло самолет и поддержало большую научно-техническую программу, не было нехватки молодых людей, желавших учиться в авиационных институтах и летных школах.

Сталин как будто вобрал и переработал в программу множество пророчеств и апокалиптических прозрений за две тысячи лет. Конечно, при этом выбросы страсти потрясали страну — достаточно вспомнить новый всплеск братоубийства в 1930-е годы и реальность ГУЛАГа. Могло ли не быть нового очага противостояния, затянувшего в мясорубку и не причастных людей? Троцкий, сам погибший в этой мясорубке, писал в своей главной книге («Преданная революция», 1936): «Достаточно известно, что *каждая революция* до сих пор вызывала после себя реакцию или даже *контрреволюцию*, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции». В этом корень тех репрессий.

Говорят, Сталин был суров и жесток. Но как отмерить предел необходимой суровости, когда неизвестна сила той коллективной иррациональности, которая бушевала в людях? Иррациональности, принимавшей самые разные формы и прорывавшейся в неожиданных точках. Ведь перескоки на другие энергетические уровни происходят и «вниз», с необъяснимой деградацией людей и коллективов. Герои Гражданской войны шли в тюрьму за растраты — ради шубы для какой-нибудь Лили Брик.

Такой деградации, особенно наглядной в годы нэпа, мистически боялись люди, пережившие революцию. Вплоть до самоубийств. Об этом много написано в 1920-е годы. Это и предопределило сдвиг к «казарменному социализму», к тоталитаризму и сплочению в подобие «отряда». Это шло «снизу», из коллективной памяти большинства, как единственный способ пережить грядущую катастрофу. Тогда и произошли репрессии, после катастрофы первой волны коллективизации. О репрессиях судят по меркам европейского гуманизма, который там появляется в короткие периоды благополучия. Но Сталин и весь наш народ жили не там и не в такое время. Все пребывали в страстном состоянии, что ощущалось даже после войны. Страшно сказать, но, пожалуй, только в этом состоянии и смогли мы победить в войне и еще долго продержаться в «холодном» противостоянии с Западом.

Иногда, наоборот, защитники Сталина пытаются рационально объяснить репрессии: мол, надо было заменить «пассионариев революции» новой образованной элитой с ее вектором модернизации и развития. Старая гвардия обосновалась на вершине власти, опустилась, обюрократилась, прониклась шкурными интересами. Вот и пришлось устроить хаос «чисток», чтобы жестокими средствами освободить дорогу молодым кадрам. Кажется логичным, — но не только логика двигает жизнь. Даже если результат «чисток» подтверждал эту гипотезу, причина была в другом — не мыслили тогда люди в таких категориях. Тут работала *метафизика революции*, она принималась и «наверху», и «внизу». Ей нельзя было не подчиниться.

Троцкий — вероятно, самый рьяный ненавистник Сталина — в своем дневнике записал 18 февраля 1935 года, что «победа Сталина была пред-

определена. Тот результат, который *зеваки* и *глупцы* приписывают личной силе Сталина, по крайней мере, его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в *динамику исторических сил*».

Сталин понимал смысл событий, опирался на него и принимал решения, сознавая свою ответственность. В этом смысле он был трагической фигурой. В конфликте несоизмеримых ценностей он действовал в интересах целого, и знал, что «зеваки и глупцы» легко от него откажутся. Но он снискал любовь сотен миллионов современников, и она с годами не угасает.

Сталин — продукт разума и чувств тех миллионов, которые создавали новую социальную реальность, движимые чувством «великой скорби и любви к человечеству». Они друг друга понимали и были близки, хоть это и трудно объяснить. Некоторые историки подчеркивают, что Сталин — самый загадочный правитель России: «...более-менее ясно, что было в голове у Николая II, Ленина, Брежнева, Горбачева, Ельцина, Путина. Не так чтобы совсем, но есть работающая модель. А что у Сталина — непонятно». Но это не так, не о том речь. Метафизика Сталина была понятна тогдашнему народу СССР, хотя пересказать ее было бы очень трудно.

Потому-то и голосуют за Сталина люди, знающие об ужасе репрессий. И не потому, что «подсчитали и простили». Так вопрос и не мог стоять, потому что он намного выше категорий подсчета и прощения. Как ни странно, это объяснил опять-таки Славой Жижек. Он сказал, что Сталин, ответственный за некоторые из наиболее ужасных преступлений XX века, «*спас человечность человека*». Философы гадают, что бы значило это абсурдное утверждение, — а оно как раз очень понятно.

Дело не в «эффективном управлении», а именно в метафизике Сталина. Он сумел в такое русло направить страсть людей, что они в национальном масштабе (и даже шире) пережили катарсис. Они действительно ощутили себя творцами справедливого мира — и поднялись на новый уровень человечности. Это — не просто спасти человечность, это значило осознать ее как *всечеловечность*, метафизическое измерение человечности. Ведь на этом и держалась Отечественная война против *отребьев человечества*.

Нынешние антисталинисты уходят от факта, который никак не влезает в их «модель». *Построенный при Сталине «казарменный социализм», со всеми его тяготами, воспринимался подавляющим большинством как исторически необходимый и потому справедливый. Не смог бы народ, измученный вопиющей несправедливостью, подавленный морально и физически, выстоять и победить в такой войне. Ведь в этом и была ошибка всего Запада, по «рациональным показателям» считавшего СССР колоссом на глиняных ногах. Ничего не стоят эти показатели без учета их метафизического контекста.*

Сталин понял (быть может, скорее прочувствовал) то, что называется «чаяния народа». Он и стал выразителем «русской идеи», будучи на вершине власти. Только этим и можно объяснить «култ Сталина». Протицируем академика В. И. Вернадского, написавшего в конце 1941 года о неизбежности победы СССР. Этот вывод был сделан им из сравнения с Первой мировой войной: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талан-

тливых людей... достигает высших военных должностей».

Народ как бы переродился — вот оценка Сталина в самый трудный момент — после репрессий и кажущегося разгрома армии.

Метафизика Сталина — сложный для исследования объект, мы к нему только-только начали приближаться. Сталин работал в условиях, когда изложение особенностей своих взглядов было затруднено или даже невозможно. Их надо было «упаковывать» в рамки понятийного аппарата марксизма. К интерпретации высказываний Сталина только-только приступают (пожалуй, даже больше на Западе, чем у нас, — там нуждаются в достоверном знании о России). Оценки, предвидения и проекты Сталина приходится проследивать по косвенным признакам, а главное — по результатам.

Вспомним еще раз Вернадского: «Народ как бы переродился!» Именно этот преобразенный народ спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей стать индустриальной и научной державой, создать ядерный щит и покорить космос и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Это и есть результат. А как к нему шли? Как получилось, что к Советской власти пошли служить царские генералы и министры, которые именно в ней увидели силу для восстановления исторической России? Чем больше набирается материала о том периоде, тем четче образ необычного явления: народ и Сталин преобразались вместе, у них и култ был совместный.

При всех исходных качествах Сталина как личности он был создан разумом, совестью и волей 4—5 миллионов человек, которые воплотили в себе тот культурный тип, что создал

затем СССР, провел индустриализацию и победил в войне. Это, как пишут историки, были в основном молодые грамотные уроженцы малых городов и деревень Центральной России, воспитанные в окопах Первой мировой войны, а потом и Гражданской. А можно сказать, что именно Сталин спроектировал и создал, с помощью всех материальных и духовных ресурсов государства, этот новый культурный тип.

Сборка ядра этой большой общности — сталинского «ордена меченосцев» — была новаторской и адекватной историческому вызову. В ней воплотились знание и принципы, выработанные российской историей и отшлифованные революцией. Каков был результат этой сборки, показала Отечественная война, надежный

экзамен. Вопреки прогнозам Запада, против «нашествия Европы» во главе с Германией СССР смог выставить новый культурный и социальный тип, который оказался более стойким и творческим, лучше обучающимся, чем личный состав фашизма. Воспитание советского человека того времени стало большой культурной программой, в ходе которой было изобретено и построено множество новых социальных форм, раскрывших возможности этого человека.

Если мы не освоим этого опыта и за десять лет не соберем сходный по стойкости и творческой силе новый тип русского человека, «нас сомнут». Интуитивное понимание этого очевидного факта и вызывает сегодня призрак Сталина — человека длинной воли. ◆